

To cite text:

Ićin, Kornelija (2022), "Поэзией против насилия: стихи Сергея Завьялова", *Philosophy and Society* 33 (4): 849–859.

Корнелия Ичин

ПОЭЗИЕЙ ПРОТИВ НАСИЛИЯ: СТИХИ СЕРГЕЯ ЗАВЬЯЛОВА

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется цикл "Рождественский пост" Сергея Завьялова как полифонический текст – свидетельство о блокадном Ленинграде в контексте философских размышлений о том, возможна ли поэзия после Освенцима. Речь жертвы, наряду с прогнозом погоды или сводкой новостей с фронта, становится главным документом трагедии человеческого существования в эпоху крушения гуманизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сергей Завьялов, "Рождественский пост", блокада Ленинграда, жертва, травма

Сергей Завьялов черпает свои корни из древней и русской поэзии, мордовских (эрзянских и мокшанских) традиций и советской действительности, культуры Серебряного века и марксистской мысли. Это поэт, который отказался от канонической русской поэтической манеры упорядочивания стиха четкой строфой и размером. Он обращается к поэтическому языку, ориентированному на античные образцы, чтобы освободить русский стих от его "предопределенности" рифмой и ритмом¹. Это решение Завьялова связано не только с его знанием классической поэзии. Убежденный в неизбежности гибели мира, погрязшего во зле, он задачу

¹ По мнению Владимира Козлова, Завьялов пишет разными верлибрами; их происхождение он видит в верлибре на основе античной полиритмии, минималистическим европейским верлибром и в композиционных риторических фигурах для нескольких голосов (см.: Козлов 2019: 76-82). В данном контексте интересны также замечания Игоря Вишневецкого о верлибре: он напоминает, что не были записаны в столбик ни эпос о Гильгамеше, ни древнеегипетские гимны; к тому же, он указывает на то, что русский поэт Степан Шевырев нарочито "записывал некоторые свои экспериментальные стихи и переводы 1830–1849-х в строчку: верлибра тогда еще не существовало", но "уже в середине 1840-х русский свободный стих в последующем его понимании узаконил протеже Шевырева Фет", чтобы потом Иван Тургенев пародировал "в письмах верлибры Афанасия Фета" (Вишневецкий 2016: 298).

поэта видит в том, чтобы отдать свой голос жертвам истории, травматическому опыту которых лучше всего подходит свободный ломаный стих. Они в поэзии Завьялова свидетельствуют о трагедии большого террора 1930-х, о голоде во время блокады Ленинграда, о Холокосте, о зверствах на войне, об истреблении малых народов во время различных военных захватов. Этому посвящены две книги, изданные Сергеем Завьяловым: “Речи” (2004–2009), “Советские кантаты” (2012–2015) и вошедшая в итоговое собрание поэма “Квартет на тему Горация” (2017).

Фрагментарность текста, интерполяция различных цитат древнегреческого и латинского языков и их перевод в стихах поэта – это фактически передача созвучия эпох. Завьялов предупреждает: то, что осталось от прошлых времен и откликается в нашем веке как фрагмент (литературная цитата, предание, архетипическая память), показывает, во что превратится наш век для будущих поколений. Поэт беспокоится о том, что историческое зло порождает все новые и новые жертвы, которые будут все менее способны воспринимать и выговаривать пережитый травмирующий опыт. Вот почему голоса в его стихах отдаются эхом как следы (ужаса) жизни, которые в сочетании с равнодушными высказываниями “со стороны”, помещенными в скобки в цикле “Schemata rhetorica. Риторические фигуры”, создают ощущение раздвоения сознания/языка, достигающее апогея в выделенных жирным шрифтом словах, таких как “не-сущее – ничто”, “быть и не быть”, “море/небо”, “слух абсолютен”, “для меня безразлично, откуда начать”:

не-сущее – ничто

сказал знакомый по телефону, потом я проверил – действительно:
τὸ οὐκ ὄν – οὐδὲν

Diels-Kranz. Fragmente der Vorsokratiker. 28 A 28;

εἶναί τε καὶ οὐχί –

быть и не быть –

и несколько ранее:

– ∪ ∪ ἢ δὲ κρίσις περὶ τούτων ἐν τῶιδ’ ἔστιν

вот в чем вопрос

Там же: 28 В 8. 40 и 16;

Бесконечная (а б с о л ю т н а я) *горизонтальная прямая*
море/небо

сумерки начинают смазывать грань

Беспримесная (а б с о л ю т н а я) *белизна*

снег

ворона пытается передвигаться утопая по брюхо

Безветрие (я бы даже сказал: б е з з в у ч и е)

слух абсолютен;

Беспамятство (в а б с о л ю т е цитаты)

ξυνόν δέ μοί ἐστιν, ὀπλόθεν ἄρξομαι –

для меня безразлично, откуда начать:

Тот же Diels-Kranz. 28 В 5. (Завьялов 2018: 130, 132, 133)

Лейтмотивное “отсутствие”, воплощенное в приставке “без”, оставляет пустоту в памяти, в стихе, предлагая читателю дочитать, додумать и догадаться; пустоте сопутствуют прямая линия горизонта, белизна, снег, спиленные деревья, морской залив – символические пейзажи потустороннего мира.

Потеря памяти или отказ от нее, хранящей в себе травму пережитого, является главной темой поэтического мира Завьялова. Размышляя о том, что такое искусство сегодня и на что оно способно, он приходит к выводу, что искусство может обнажить механизмы насилия, раскрыть “свой” и “чужие” слова, лежащие в основе его структуры, показать индивидуальное как часть социального террора. Поэт думает, в каком виде возможна поэзия после всех исторических ужасов, достигших своего пика в XX веке. Он вступает в ряды таких мыслителей, как Виктор Франкл, Ханна Арендт или Джорджо Агамбен, которые в своих текстах поднимают вопрос о том, как жить после Освенцима. Завьялов пытается заполнить лауну, которая существует в русской рефлексии касательно лагерей в СССР и блокадного Ленинграда во время Второй мировой войны². На философские тексты западных мыслителей он отвечает свидетельствами жертв и заложников идеологии на восточной стороне. Эти свидетельства сопоставимы с поисками смысла жизни у Виктора Франкла или Примо Леви, переживших антропологическую катастрофу Освенцима (см.: Франкл 1990, 1997; Леви 2001). В противовес каноническому восприятию Великой Отечественной Войны, отождествляемой с победой и героизмом, Завьялов говорит о жертве и о нравственном разрушении человека. В центре поэзии Завьялова оказалось все, о чем умалчивалось: вина, стыд, страх, насилие, уничтожение. Его позиция в каком-то смысле близка Карлу Ясперсу, который в тексте “Вопрос о виновности” (1946) призывал осознать коллективную вину как путь к духовному обновлению и возрождению: “Чувствуя свою коллективную виновность, мы чувствуем во всей ее полноте задачу возрождения изначальной принадлежности к роду человеческому – задачу, которая стоит перед всеми людьми на земле, но насущнее, осязаемее, определяя как бы все бытие, встает там, где какой-то народ по его собственной вине ждет полное разорение” (Ясперс 1999: 68).

² Исключение представляет книга Валерия Подороги (Подорога 2015). – Несомненно, на протяжении многих лет появлялись исторические и литературоведческие исследования, посвященные лагерной тематике, однако философских опытов на эту тему было мало, даже философ Михаил Рыклин в своих текстах о Шаламове и Солженицыне в большей степени занимается биографией и взаимоотношением двух писателей (см. тексты М. Рыклина “Клейменный, но не раб” и “Проклятый орден” в: Рыклин 2008: 19–57).

Чувство богооставленности, когда человек не находит опоры в мире и, по определению Эммануэля Левинаса, “способен восторжествовать только в собственной совести”, “в страдании” (ибо “положение жертв в разлаженном мире, то есть в таком мире, где добро в конечном счете не торжествует, - это страдание”), приводит к открытию Бога в себе, требующего “всецело ответственного человека” (Левинас 2004: 446). Задумываясь над страданием и неторжествующей справедливостью, Завьялов предлагает свой ответ в искусстве композиции, изобилующей разными голосами страдающих и типами текста. Самым ярким примером представляется “Рождественский пост”, написанный в 2009 году. Данный цикл состоит из 7 частей, каждая из которых фиксирует конкретную дату первой блокадной зимы в Ленинграде (29 ноября, 6 декабря, 13 декабря, 20 декабря, 27 декабря 1941 года, 3 января и 7 января 1942 года), причем первая и последняя дата знаменуют начало и конец 40-дневного Рождественского поста. В композицию входят ежедневный прогноз погоды, фрагмент монастырского устава, описание продовольственных карточек, затем появляются голоса ребенка, женщины, врача, душевнобольного, поэта, а в конце звучат фронтовая хроника и фрагмент утрени. Каждый из этих голосов строго отформатирован. Детский голос представляет мир, в котором много еды, женский голос приносит новости с улицы, врач описывает симптомы голодающих и умирающих, мозг больной женщины ищет врага, поэт видит чудесный пейзаж, хор говорит о победах на фронте, кто-то молится. Композиция построена как стереоскоп и калейдоскоп, где встречаются совершенно разные реальности и тональности. Нет сомнений, что в “Рождественском посте” композиция самая сложная³. Приведем пример первого дня поста и первого зафиксированного дня блокады, которая продолжалась с 8 сентября 1941 по 27 января 1944:

29 ноября 1941 года, суббота.

Погода:

Температура воздуха в Ленинграде минус 9-11 градусов;
облачно, пройдет кратковременный снег;
ветер переменных направлений, 3-7 метра в секунду;
атмосферное давление 762 мм ртутного столба;
относительная влажность 96 %.

Первая неделя Рождественского поста:

Старый стиль 16 ноября. Память:

Апостола и евангелиста Матфея.
Праведного Фулвиана, князя Еёіопскаго.

³ Цикл “Сквозь зубы”, например, состоит из трех голосов, поэма “Квартет на тему Горация” – из четырех.

Монастырскій уставъ:

Сегодня, а также въ воскресенье,
вторникъ и четвергъ – разрѣшается рыба.
Въ понедѣльникъ – горячая пища безъ масла.
Въ среду и пятницу – сухояденіе.

Карточки продовольственные. Литера “И”:

Карточка на хлеб на ноябрь месяц.
Купоны на 29 число:

Первый купон – 50 граммов.
Второй купон – 50 граммов.
Третий купон – 50 граммов.
Четвертый купон – 50 граммов.

Согласно постановлению Военного Совета Ленинградского фронта № 00409 от 19 ноября 1941 года установлены новые нормы обеспечения населения хлебом.

Карточка на крупу и макароны,
рыбу и рыбопродукты на ноябрь месяц:

Купон на крупу № 24 – 25 граммов.
Отоварен в понедельник 24 ноября.
Купон на рыбу № 3 – 100 граммов.
Отоварен в понедельник 24 ноября.

Карточка на мясо и мясопродукты на ноябрь месяц:

Купон № 16 – 25 граммов.
Отоварен в пятницу 28 ноября.

Карточка на жиры на ноябрь месяц:

Купон № 24 – 10 граммов.
Отоварен в понедельник 24 ноября.

Карточка на сахар и кондитерские изделия
на ноябрь месяц:

Купон № 16 – 50 граммов.
Отоварен в пятницу 28 ноября.

Я сказал:

А еще в другой раз
у меня будет такой специальный шкаф:

в одном месте ржаной хлеб
в другом месте пеклеванный хлеб
в другом месте карельский хлеб
в другом месте французская булка
в другом месте городская булка
в другом месте хала

Ты сказала:

Котя приходил и говорит:
Сделай ты мне, Шура, винегрет.
Котя, ну из чего же я тебе сделаю винегрет?

Он сказал:

Алиментарная дистрофия – патологический процесс, который с клинической стороны следует рассматривать как особую нозологическую единицу. Я. Л. Рапопорт выдвинул гипотезу о ее гастрогенном происхождении. Опираясь на современные представления о многообразной секреторной, экскреторной и инкреторной функции слизистой оболочки желудка и ее роли в нервно-гуморальной регуляции жизненных процессов, автор считает нарушение метаболизма слизистой оболочки желудка ведущим звеном в патогенезе алиментарной дистрофии.

Она сказала:

Я лежу больная,
а они все только жрут и жрут, жрут и жрут.

Вы сказали:

О как величествен был снегопад на закате этого дня
Эти хлопья что стирают приметы пространства
Это исчезновение линий утрата теней
Угасание звуков

Они сказали:

Вчера ночью части Южного фронта советских войск под командованием генерала Харитонов прорвали укрепления немецких войск, и, грозя им окружением, ворвались с северо-востока в Ростов и заняли его. В боях за освобождение Ростова от немецко-фашистских захватчиков полностью разгромлена группа генерала Клейста в составе 14-й и 16-й танковых дивизий, 60-я моторизованная дивизия и дивизия СС “Викинг”. Противник оставил на поле боя свыше 5 тысяч убитыми. Захвачены большие трофеи, которые подсчитываются.

И мы воспели на утрень:

**Величить душа Моя Господа,
и возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ.** (Завьялов 2018:
173–176)

На основании этой части цикла мы видим, что Завьялов представляет язык русской поэтической традиции лишь как один из возможных голосов, он проверяет наше восприятие написанного в стихах и прозе, отменяет запрет на полифонию в поэзии. Неслучайно вершиной такого многозвучия является именно цикл “Рождественский пост”, ведь Завьялов хочет соединить голоса безымянных жертв полифоническим пением, то есть чередующимися многоголосым пением и чтением Евангелия, благодаря которым человек совершает свой страдальческий путь из земного бытия в эсхатологическое.

Голоса в “Рождественском посте” – это выдержки из газеты “Ленинградская правда” (прогноз погоды, как в мирное время), из юлианского календаря и монастырского устава (написанные дореволюционной орфографией), из сообщений Военного совета Ленинградского фронта (исключительно о рационализации исчезающих продуктов), а также голос ребенка, фантазирующего о волшебном полном еде буфете и о голодающем отце, который никогда не умрет (“я сказал”), голос матери (“ты сказала”), голос врача, научно описывающего страшную алиментарную дистрофию (“он сказал”), голос женщины, злящейся на умерших, которые обедались дефицитной пищей, и мечтающей о кино (“она сказала”), голос Совинформбюро (всегда бодро “они сказали”), церковная утреня, объединяющая всех страждущих в молитве Господу (возвышенное “мы воспели”). Голос русской поэтической традиции Завьялов маркирует как отчужденный, безучастный к коллективному несчастью – “вы сказали”. Наконец, сверхличностное, культурное “вы сказали” в последней главе “Рождественского поста” начинает цитировать Горация сначала по-латыни, а потом по-русски в дословном переводе самого Завьялова:

Сладко и красиво умереть за родину:
Смерть догонит бросившегося бежать,
Она не пожалеет ни задрожавших поджилок,
Ни втянутых в плечи голов безоружных подростков. (Завьялов
2018: 199)

Излишне говорить, что на протяжении “Рождественского поста” прогноз погоды все ухудшается, температура понижается до минус 30 градусов 7 января, чему сопутствует и понижение нормы снабжения по продовольственным карточкам (до 25 граммов на мясо и крупу, и до 10 граммов на жиры), чтобы 7 января, разделив население на 4 группы: рабочие, служащие, иждивенцы и дети, “Исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся разрешил продажу по январским продовольственным

карточкам в счет существующих месячных норм”⁴. К этой официально-документальной части можно прибавить и сводку новостей с фронта, оповещающих лишь о победах Советской армии. На противоположном полюсе находятся времяисчисление по старому стилю, церковные праздники, монастырский устав и молитва, написанные дореволюционной орфографией и на церковнославянском языке. Между этими двумя мирами – государственной организацией остатков земной жизни и эсхатологическими чаяниями о спасении – находится человек страдающий.

Изображая исторический ад, Завьялов поднимает язык русской поэзии на новый уровень: смерть в “Рождественском посте” не сулит надежду на рай, в этом аду нет Вергилия как проводника, поэт должен выучить язык живых мертвецов, а также язык самого ада, включая трупоедство. Так был создан многоголосый текст, состоящий из документов – ежедневных продовольственных карточек и квазидокументов – пропагандистских новостей, никого не оставляющий равнодушным своим нарративом. Этим приемом Завьялов раздвигает границы поэзии. Это его своеобразный ответ Теодору Адорно, утверждающему, что “после Освенцима любое слово, в котором слышатся возвышенные ноты, лишается права на существование” (Адорно 2003: 328). Возможность творить в посткатастрофическое время Завьялов связывает с предоставлением слова жертве. Поэтому складывается впечатление, что среди слышимых голосов авторский голос отсутствует. Можно сказать, что автор в этом тексте выступает в роли композитора, пишущего ораторию. Записывая разные голоса, Завьялов использует все доступные графические средства: курсив, жирный шрифт, прописные буквы, одновременно он в русский язык включает латинский текст и древнегреческие слова, использует также строфическое стихосложение, прозаический текст, драматический диалог, документ. Этим произведение Завьялова напоминает “Реквием” Анны Ахматовой – разнородный в жанровом смысле, полифонический текст, сотканный из голосов библейских, древнегреческих, средневековых и ленинградских страдалец середины 1930-х, стоявших около Крестов с передачей для своих ближних-заключенных. Однако, устранив собственный голос, Завьялов пошел дальше Ахматовой, отождествлявшей свой голос со сто-миллионным народом и противостоявшей государственности. Если Ахматова создает поэтический памятник всем неповинным жертвам, оказавшимся в годы террора в заключении, в ссылке, в лагере, Завьялов не ставит перед собой такой задачи, он не хочет быть поэтом-посредником между жертвой и страданием, человеком и государством, поэтому в его “Рождественском посте” звучит только прямая речь.

4 Распределение выглядит так: по 100 граммов мяса всем группам населения, по 100 граммов сахара и кондитерских изделий всем и только детям до 12 лет 250 граммов, по 75 граммов жиров только детям до 12 лет, крупы: по 400 граммов – рабочим, по 200 граммов – служащим, по 100 граммов – иждивенцам и по 300 граммов – детям до 12 лет (Завьялов 2018: 198).

Различные языковые тона и стили в цикле “Рождественский пост” раскрывают процесс умирания города на личном и историческом уровнях. Ленинград – некрополь не только из-за блокадников, но и из-за официальных “оптимистичных” новостей, в которых город не упоминается. Город уже находится за пределами реальной жизни, он живет лишь неземной жизнью, в молитвах своих жителей. Непоправимая катастрофа случилась, человек разрушен, произошли антропологические изменения.

В данном контексте Завьялова особенно интересует, почему “советский” человек, в отличие от западноевропейского человека с опытом нацистских лагерей, отказывается “свидетельствовать против себя”, принимать себя в качестве жертвы, выяснять, идентифицировать то, что произошло с ним, как “непоправимую травму”, для чего приводит в пример полемику между Солженицыным и Шаламовым, независимо от их отношения к советской власти (Завьялов 2012: 146). Одновременно, для понимания данной тематики Завьялов воскрешает в памяти дневниковую прозу Ольги Берггольц времен ленинградской блокады, которая резко отличается от ее стихов того же периода. Он подчеркивает, что фрагменты блокадного дневника, опубликованные в 1990-е годы, раскрыли иную Ольгу Берггольц: “из классика советской поэзии, ‘Блокадной музы’, воспевшей Блокаду как подвиг советского народа, она превратилась, прежде всего, в свидетеля Блокады как гуманитарной катастрофы”, а потому дневник достоин быть “документальной основой разговора об особенностях советского восприятия (и неприятия) травмы” (Завьялов 2012: 147). Блокадный Ленинград – зеркальное отражение абсолютного Зла, олицетворенного в концентрационном лагере тоталитарной системы, где, по словам Х. Арендт, “на кон поставлена сама человеческая природа” и где происходит разрушение человека, более того, в этой системе человек уничтожается так, чтобы исчез след его существования (Арендт 1996: 595). Завьялова интересуют философские и этические аспекты травмы, опыта исчезновения, поэтому он обращается также к книге Джорджо Агамбена “*Nomo sacer. Что остается после Освенцима*”, в которой мы читаем, что пережившие катастрофу “из лагеря приносят на землю людей чудовищную весть о том, что можно утратить достоинство и честь в такой степени, которую себе трудно даже представить, и что жизнь продолжается даже в состоянии полной деградации” (Агамбен 2012: 75). Для ознакомления с блокадными обстоятельствами, приведшими человека к полной деградации, Завьялов прочел подшивку газеты “Правда” и “Ленинградская правда” за зиму 1941–1942 г. в Славянской библиотеке в Хельсинки, а также книгу “Алиментарная дистрофия” 1946 г., написанную на основе историй болезней, находящихся в распоряжении врача в блокадном Ленинграде. Фрагменты этих текстов стали частью цикла “Рождественский пост”.

Свидетельства жертв истории напрямую обращены к читателям, жертвы говорят о проблемах человеческого существования перед лицом смерти, о пределах бытия, в которых человек сохраняет свое лицо, о границе между физиологическим и духовным существованием. Трагедия

блокадного Ленинграда – это крушение европейских гуманистических и просветительских ценностей, на которых был построен город Петра Великого и на которых были воспитаны поколения его жителей. В этом смысле блокада Ленинграда и Освенцим стоят рядом. Для Сергея Завьялова это время-после, как философы называли время после Освенцима, то есть посткатастрофическое время, которое “останавливает все другие времена” (Подорога 2015: 7)⁵ и становится осевым, определяя все другие исторические времена. Именно об этом и свидетельствует “Рождественский пост”.

Литература

- Агамбен, Джорджо (2012), *Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель*, Москва: Европа.
- Адорно, Теодор (2003), *Негативная диалектика*, Москва: Научный мир.
- Арендт, Ханна (1996), *Истоки тоталитаризма*, Москва: ЦентрКом.
- Вишневецкий, Игорь (2016), “Между поэзией и прозой”, *Новое литературное обозрение* 139: 297–308.
- Завьялов, Сергей (2012), “Что остается от свидетельства: меморизация травмы в творчестве Ольги Берггольц”, *Новое литературное обозрение* 116: 146–157.
- . (2018), *Стихотворения и поэмы 1993 – 2017*, Москва: Новое литературное обозрение.
- Козлов, Владимир (2019), “Три подступа Сергея Завьялова к art contemporain”, *Prosodia* 10: 76–82.
- Леви, Примо (2001), *Человек ли это?*, Москва: Текст- журнал “Дружба народов”.
- Левинас, Эммануэль (2004), *Избранное. Трудная свобода*, Москва: Росспэн.
- Подорога, Валерий (2015), *Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное Зло*, Москва: Lettera.org – Логос.
- Рыклин, Михаил (2008), *Свобода и запрет. Культура в эпоху террора*, Москва: Логос – Прогресс-традиция.
- Франкл, Виктор (1990), *Человек в поисках смысла*, Москва: Прогресс.
- . (1997), *Доктор и душа*, Санкт-Петербург: Ювента.
- Ясперс, Карл (1999), *Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии*, Москва: Прогресс.

References

- Agamben, Dzhordzho (2012), *Homo sacer, Chto ostaetsya posle Osvencima: arhiv i svidetel'*, Moskva: Evropa.
- Adorno, Teodor (2003), *Negativnaya dialektika*, Moskva: Nauchnyj mir.
- Arendt, Hanna (1996), *Istoki totalitarizma*, Moskva: CentrKom.

5 Называя время-после шаламовским временем, В. Подорога по сути говорит о необходимости свидетельствовать об абсолютном Зле ГУЛАГ-а; его упрек постсталинским политическим режимам в том, что “преступления против собственного народа не расследовались”, что “не были сделаны выводы из того ужасного опыта, который был только что пережит, не введены жесткие запреты на политическую деятельность, ведущую к авторитарному правлению и, возможно, к повальному тоталитаризму” (Подорога 2015: 7).

- Frankl, Viktor (1990), *Chelovek v poiskah smysla*, Moskva: Progress.
- (1997), *Doktor i dusha*, Sankt-Peterburg: Yuventa.
- Kozlov, Vladimir (2019), “Tri podstupa Sergeya Zav’yalova k art contemporain”, *Prosodia* 10: 76-82.
- Levi, Primo (2001), *Chelovek li eto?*, Moskva: Tekst- zhurnal “Druzhba narodov”.
- Levinas, Emmanuel’ (2004), *Izbrannoe. Trudnaya svoboda*, Moskva: Rosspen.
- Podoroga, Valerij (2015), *Vremya posle. Osvencim i GULAG: myslit’ absolyutnoe Zlo*, Moskva: Lettera.org – Logos.
- Ryklin, Mihail (2008), *Svoboda i zapret. Kul’tura v epohu terrora*, Moskva: Logos – Progress-tradiciya.
- Vishneveckij, Igor’ (2016), “Mezhdru poeziej i prozoi”, *Novoe literaturnoe obozrenie* 139: 297–308.
- Zav’yalov, Sergej (2012), “Chto ostaetsya ot svidetel’sтва: memorizaciya travmy v tvorcestve Ol’gi Berggol’c”, *Novoe literaturnoe obozrenie* 116: 146–157.
- (2018), *Stihotvoreniya i poemy 1993 – 2017*, Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Yaspers, Karl (1999), *Vopros o vinovnosti. O politicheskoi otvetstvennosti Germanii*, Moskva: Progress.

Kornelija Ičin

Poetry against Violence: Sergey Zavyalov’s Poems

Abstract

The article discusses Sergey Zavyalov’s cycle of poems “Christmas Lent” as a polyphonic text – evidence of the besieged Leningrad in the context of philosophical reflections on whether poetry is possible after Auschwitz. The story of the victim, as well as the weather forecast and news report from the front, become the main document of the tragedy of human existence in the era of the collapse of humanism.

Keywords: Sergey Zavyalov, “Christmas Advent”, siege of Leningrad, victim, trauma

Kornelija Ičin

Poezijom protiv nasilja: pesme Sergeja Zavjalova

Apstrakt

U članku se analizira ciklus pesama Sergeja Zavjalova „Božićni post“ kao polifnični tekst – svedočanstvo o Lenjingradskoj blokadi u kontekstu filozofskih razmišljanja o tome da li je moguća poezija posle Aušvica. Govor žrtve, naporedo s vremenskom prognozom ili novostima s fronta, postaje glavni dokument tragedije ljudskog postojanja u vreme kraha humanizma.

Ključne reči: Sergej Zavjalov, „Božićni post“, Lenjingradska blokada, žrtva, trauma